

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 3. С. 36–49.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 3. P. 36–49.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-36-49

ОТКРЫТИЕ ЕВРОПЫ: ДОСТОЕВСКИЙ В «СТРАНЕ СВЯТЫХ ЧУДЕС»

Игорь Леонидович Волгин

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
mail@volgin.ru

Аннотация. В статье рассматривается первая зарубежная поездка Достоевского в Европу (1862), нашедшая отражение в его очерковой прозе — «Зимние заметки о летних впечатлениях». Прослеживается формирование образа Запада в творческом сознании Достоевского. В течение этого путешествия внимание писателя сосредоточено на двух мировых столицах — Лондоне и Париже. В них Достоевский пытается рассмотреть (в различных онтологических вариантах) лик победившей буржуазной цивилизации. Но в «подтексте» всех его размышлений — тревога о ближайших судьбах России, о поджидающих ее исторических опасностях и соблазнах.

Ключевые слова: Достоевский, Европа, Запад, Лондон, Париж, «Зимние заметки о летних впечатлениях»

Сокращенный вариант. Полностью работа публикуется в [Волгин, 2021].

© Волгин И. Л., 2021

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90021 Достоевский («Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)»).

Ссылка для цитирования: Волгин И. Л. Открытие Европы: Достоевский в «стране святых чудес» // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2021. Т. 4, № 3. С. 36–49. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-3-36-49>.

To the 200th Anniversary of F. M. Dostoevsky

THE DISCOVERY OF EUROPE:
DOSTOEVSKY IN THE “LAND OF HOLY MIRACLES”

Igor L. Volgin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
mail@volgin.ru

Abstract. The article examines Dostoevsky’s first foreign trip to Europe (1862), which was reflected in his essay prose — “Winter Notes on Summer Impressions”. The formation of the image of the West in the creative mind of Dostoevsky is traced. During this journey, the writer’s attention is focused on two world capitals — London and Paris. In them Dostoevsky tries to examine (in various ontological versions) the face of the victorious bourgeois civilization. But in the “subtext” of all his reflections — anxiety about the immediate destinies of Russia, about the historical dangers and temptations awaiting her.

Keywords: Dostoevsky, Europe, West, London, Paris, “Winter Notes on Summer Impressions”, Crystal Palace

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No 18-012-90021 Dostoevsky (“Dostoevsky: Life and Legacy. Biographical Gaps. Reception of Creativity and Destiny in the National Consciousness (1881–1921)”).

For citation: Volgin, I.L. (2021) ‘The Discovery of Europe: Dostoevsky in the “Land of Holy Miracles”’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(3), pp. 36–49. (In Russ.). [doi:10.17323/2658-5413-2021-4-3-36-49](https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-3-36-49).

Въезжая за границу, Достоевский обычно там работал, лечился (Бад-Эмс) или играл на рулетке. Иногда эти сюжеты совмещались в некоторые последовательности. Но лишь дважды — в 1862 и 1863 годах, когда он впервые посещал Европу, — его путешествия носили преимущественно туристический характер.

В декабрьском номере «Дневника писателя» за 1876 год Достоевский вдруг вспоминает о «мечтах и фантазиях», которые бродили некогда в головах его юных сверстников. В том числе и о дерзких прожектах «бежать в Венецию». «...Я знал одного такого», — несколько туманно добавляет он в скобках.

Разумеется, он его знал. В возрасте пятнадцати лет, покидая Москву и направляясь в Петербург, он усердно сочиняет (правда, пока в уме) «роман из венецианской жизни».

Венеция — собирательный образ романтического и благословенного Запада, «страны святых чудес». К ним, этим чудесам, он был приурочен с ранних своих дней. Можно сказать, он возрос под обаянием этого победительного чувства. «За границей, — сказано в “Зимних заметках о летних впечатлениях”, — я не был ни разу; рвался я туда чуть не с моего первого детства, еще тогда, когда в долгие зимние вечера, за неумением грамоте, слушал, разиня рот и замирая от восторга и ужаса, как родители читали на сон грядущий романы Радклиф, от которых я потом бредил во сне в лихорадке. Вырвался я наконец за границу сорока лет от роду, и, уж разумеется, мне хотелось не только как можно более осмотреть, но даже всё осмотреть, непременно всё, несмотря на срок» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 46].

«Восторг и ужас» — вот первое восприятие Достоевским западного культурного мифа. Но «ужас» — здесь скорее фигура речи: подразумевается, конечно, «ужас восторга». Вряд ли, однако, именно с подобным чувством въезжал он в Европу, когда, судьба даровала ему эту чаемую с детства возможность. «Как это вот я увижу наконец Европу, я, который бесплодно мечтал о ней почти сорок лет, я, который еще с шестнадцати лет, и пресерьезно, как Белопяткин у Некрасова,

Бежать хотел в Швейцарию, —

но не бежал, и вот теперь и я въезжаю наконец в “страну святых чудес”, в страну таких долгих томлений и ожиданий моих, таких упорных моих верований» [там же, с. 51].

Бежать, оказывается, хотелось также и в Швейцарию, причем «с шестнадцати лет». То есть уже не из благополучного московского семейства, а, судя

по всему, из Петербурга, прямо из военно-учебного заведения — Инженерного училища, иными словами — из воздвигнутого по западным «масонским» лекалам Михайловского замка, где вполне домашним способом был умерщвлен несчастный император.

Он покидает Петербург 7 июня (по ст. ст.) 1862 года¹ в восемь часов утра. Поездка по железной дороге до Берлина занимала 46 часов 15 минут [Брусовани, Гальперина, 1988]².

Спрашивается: как могли его, недавнего каторжника, всего лишь два года с небольшим вернувшегося в столицу, обретшего вновь дворянство, но отнюдь не прощенного (ибо никакой официальной реабилитации не последовало), как могли его выпустить за границу? (Формальное разрешение было получено сравнительно быстро.) Не потому ли, что мотив у намеревающегося отъехать литератора был довольно стандартный, не вызывающий подозрений? А именно — поправление здоровья³.

Не мог же он толковать *им*, что просто желает «проехаться по Европе»: применительно *к нему* такого рода аргументы могли и не возыметь желаемых последствий.

Между тем за более чем двухмесячное пребывание за границей, собственно на лечение не было, кажется, потрачено ни одного дня (что не исключает разовых консультаций, например, у каких-то парижских врачей). Он ехал туда совсем не за этим.

Отправляясь в Европу, Достоевский достигает крайней западной точки своего физического присутствия в мире. Передвижение его в пространстве ограничивается строгой системой координат: Омск — Лондон. Ни восточнее этих «конечных» пунктов, ни западнее он никогда более не двинется.

Он въезжает в «страну долгих томлений» восемь лет спустя после выхода «из мрачных пропастей земли». «Записки из Мертвого дома» еще печатаются во «Времени». И хотя он уже вполне освоился в Петербурге, контраст между недавним сибирским прошлым и открывающимся в своих пока еще неведомых

¹ Даты, связанные с Россией, даются по старому стилю, а с пребыванием Достоевского за границей — преимущественно по новому.

² В этой работе прослежена хронология всех передвижений Достоевского за границей в указанный период.

³ Хотя во время майских петербургских пожаров 1862 года (речь о которых впереди) в здании Министерства внутренних дел сгорели документы, относящиеся к первой заграничной поездке Достоевского [см.: ГАРФ. Ф. 1286. Оп. 24. 1862. Д. 127. Л. 6; Коган, 1973, с. 596; Летопись ... , 1999, с. 363], есть основания полагать, что начальству было представлено медицинское свидетельство от проф. Боссарта [Летопись ... , 1999, с. 350]. Обсуждалась также возможность о предоставлении такового от профессора С. П. Боткина. Для получения заграничного паспорта медицинское свидетельство Боссарта было удостоверено во врачебной управе.

подробностях европейским настоящим — этот контраст не мог не волновать ум. В обоих случаях он оказывался за пределами привычной ему среды: этой асимметрией как бы замыкалось его жизненное поле.

У русской путевой прозы был к тому времени немалый задел. Вряд ли, приступая к своим «Зимним заметкам...», Достоевский держал в памяти «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Но «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина он не мог не знать. Правда, автор «Писем...» «сделал вид», что означенные эпistolы сочинялись и отсылались им по мере его продвижения по европейским просторам, хотя писались они преимущественно по возвращении путешественника в Москву. Достоевский не стал прибегать к этим творческим хитростям. Он твердо обозначил дистанцию между самим путешествием и возникшим впоследствии текстом. В самом названии «*Зимних заметок о летних впечатлениях*» можно усмотреть весьма ироничный оттенок: намек на то, что указанный временной промежуток мог охладить (и одновременно — укрупнить) впечатления *интуриста*.

Но заголовок еще и задает *тон*. Всё повествование (в первую очередь «немецкие» и «французские» главы) проникнуто сдержанной авторской усмешкой. Или, иначе говоря, внутренний сюжет «Зимних заметок...» развертывается под саркастическим писательским прищуром.

Почему Достоевский избрал именно такую художественную оптику, именно такой — подчеркнуто игровой — угол зрения? Не рассчитывался ли он подобным образом со своим прошлым — с юношеским упоением и ослеплением Западом?

Ведь всё, решительно почти всё, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, всё, всё ведь это оттуда, из той же страны святых чудес! Ведь вся наша жизнь по европейским складам еще с самого первого детства сложилась. Неужели же кто-нибудь из нас мог устоять против этого влияния, призыва, давления? Как еще не переродились мы окончательно в европейцев?

[Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 51]

Но вот что интересно. Во всем многомерном тексте «Зимних заметок...» почти нет *развернутых* характеристик тех или иных явлений европейской культуры. Столь любимые в молодости Расин, Корнель, Шекспир, Гёте, Шиллер и др. как бы остаются в подтексте повествования. Культура — в ее классическом виде — присутствует, подразумевается, но отнюдь не она определяет нынешний облик Запада. Из обязательных для «среднестатистического» ту-

риста достопримечательностей упомянут вскользь (причем в довольно двусмысленной огласовке) разве что Кёльнский собор и, пожалуй, еще парижский Пантеон (да и то лишь как место, где безмолвный посетитель обязан вкушать плоды французского красноречия). Причем эти авторские (туристические) небрежности подаются как сознательно избранная точка зрения. «Ведь говорят же вот, что быть в Риме и не видеть собора Петра невозможно. Ну так посудите же: я был в Лондоне, а ведь не видал же Павла. Право, не видал. Собора св. Павла не видал. Оно конечно, между Петром и Павлом есть разница, но все-таки как-то неприлично для путешественника» [там же, с. 49].

Он говорит, что не видел Павла потому, что торопился в Пентонвиль. Почему именно туда? Он полагается на осведомленность читателей: Пентонвиль — это лондонская тюрьма.

Если «Зимние заметки...» являют собой очерковую прозу, то последняя претерпевает под пером очеркиста неожиданные метаморфозы. Можно сказать, что взгляд автора сфокусирован не столько на описании предмета, сколько пытается проникнуть в его субстанциональную глубину, постигнуть его внутренний смысл⁴.

Перечислив города, в которых за неполные два месяца он побывал, — Берлин, Дрезден, Висбаден, Баден-Баден, Кёльн, Париж, Лондон, Люцерн, Женеву, Геную, Флоренцию, Милан, Венецию, Вену («да еще в иных местах по два раза»), Достоевский признается, что «в Риме, например, так и не был».

Однако не только Рим, но и большинство названных городов в «Зимних заметках...» практически не упоминаются. Авторское внимание почти целиком сосредоточено на двух мировых столицах — Лондоне и Париже. Это — два несокрушимых оплота Запада, два центра, где в наибольшей степени воплотились образы современной Европы. Очевидно поэтому «Зимние заметки...» — сугубо *выборочный* текст: читатель лишен возможности сопутствовать автору в его остальных зарубежных скитаниях.

Правда, мимоходом сообщается, что, например, Берлин, где путешественник пробыл всего один день, произвел на него «самое кислое впечатление», поскольку указанный город «до невероятности похож на Петербург» [там же, с. 47]. И что «ничего нет противнее типа дрезденских женщин». Заодно вызывает сомнения и Кёльнский собор: он аттестован «галантерейной вещицей». Однако все эти уничижительные определения тут же дезавуируются: оказывается, они вызваны ничем иным, как дорожной усталостью и больной печеню

⁴ Спор о жанре «Зимних заметок...» бессмыслен: жанр этот настолько же индивидуально-«достоевский», насколько личностен и неповторим, скажем, «Дневник писателя».

повествователя. Поэтому, скажем, у Кёльнского собора, чей образ Достоевский «с благоговением чертил <...> еще в юности, когда учился архитектуре», автор даже готов просить прощения на коленях. Да и перед дрезденскими немками он согласен повиниться, хотя замечает, что «к немцу надо особенно привыкать и что с непривычки его весьма трудно выносить в больших массах» [там же].

Всё это, разумеется, входит в правила игры, в ту игровую условность, которая предложена автором.

Вообще-то у внимательного читателя может создаться впечатление, что Запад — это только предлог для того, чтобы потолковать о России. Недаром одну из важнейших составляющих текста автор называет «Глава III и совершенно лишняя»: она полностью посвящена русскому XVIII столетию, Д. И. Фонвизину, его комедии «Бригадир» и проч. «Да, конечно, тогда нам легко давалась Европа, физически, разумеется. Нравственно-то, конечно, обходилось не без плетей. Напяливали шелковые чулки, парики, привешивали шпажонки — вот и европеец» [там же, с. 56–57]. Достоевский постоянно «держит в уме» Россию: именно она *idée fixe* его путевых заметок.

Въехав во Францию и посвятив несколько страниц первым, сугубо *полицейским* впечатлениям от начавшейся поездки (об этом еще будет сказано ниже), Достоевский, наконец, достигает Парижа. «Но не думайте, однако, — спешит он разочаровать читателя, — что я вам много расскажу собственно о городе Париже. Я думаю, вы столько уже перечитали о нем по-русски, что, наконец, уж и надоело читать» [там же, с. 68]. Он старается подобрать к столице Франции исчерпывающий эпитет и торжественно возглашает (само собой, всё в той же игровой тональности), что Париж «самый нравственный и самый добродетельный город на всем земном шаре» [там же]. Он с жаром отвергает возможность обвинения, что его скепсис — «это всё желчная патриотическая клевета». «Но друзья мои, — говорит он, — ведь предупредил же я вас еще в первой главе этих заметок, что, может быть, ужасно навру. Ну и не мешайте мне. Вы знаете тоже наверно, что если я и навру, то навру, будучи убежден, что не вру. А, по-моему, этого уже слишком довольно. Ну так и дайте мне свободу» [там же]. И сделав подобное признание, автор — неожиданно для читателей — оставляет Париж и направляется в Лондон.

Пробыв в Лондоне чуть больше недели (и встретившись с А. И. Герценом⁵), Достоевский возвращается в Париж. Но и мы вернемся немного назад — к тем июньским дням, когда он в первый раз — следуя из Германии через Бельгию — въезжал в пределы Второй империи.

⁵ См. об этом подробнее в [Волгин, 2021].

При пересечении французской границы в вагон к путешественнику подсаживается четверка странных попутчиков. У них нет «ни узелка, ни даже платья, которые бы хоть сколько-нибудь напоминали человека дорожного». Они были «в каких-то легоньких сюртучках» и в несвежем белье (что автор «Зимних заметок...», всегда носивший, по свидетельству современников, белье исключительно чистое, не мог не отметить). «Небрежно посвистывая», они «равнодушно, но упорно поглядывали в окна кареты»⁶, как бы подчеркнуто не обращая внимания на своих спутников. Когда, проехав одну станцию, они дружно выскочили из вагона, некий швейцарец, ехавший вместе с Достоевским, объяснил наивному россиянину, что это — никто иные, как полицейские агенты, шпионы, в чью непрременную обязанность входит запоминание примет всех иностранцев, прибывающих в пределы Второй империи. «Швейцарец не обманул меня, — говорит Достоевский. — В отеле, в котором я остановился, немедленно описали все малейшие приметы мои и сообщили их, куда следует. По точности и мелочности, с которой рассматривают вас при описании примет, можно заключить, что и вся дальнейшая ваша жизнь в отеле, так сказать, все ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются» [там же, с. 66].

У правительства Франции могли быть свои резоны. 14 января 1858 года четыре итальянца во главе с Феличе Орсини, недовольные политикой императора в отношении их раздираемой усобицами родины, метнули под карету Наполеона III несколько бомб: 8 убитых и 142 раненых остались на месте. (В России до применения такого рода оружия дойдут нескоро: Зимний дворец будет взорван лишь 5 (17) февраля 1880 года.) Но вообще, после борений и смут Второй республики Франция слыла довольно спокойной, *благоустроенной* страной. Историки называют эпоху Наполеона III золотым веком провокации, царством тайных агентов, доносчиков и соглядатаев. Не простаивали и добровольные помощники. Достоевский столкнулся с ними при заселении в очередной отель — причем весьма патриархального толка. Его владельцы, пожилые супруги («очень хорошие люди и чрезвычайно деликатны»), озаботились не только вопросом относительно общественного положения гостя (в конце концов, предложили ему записать свое звание в наиболее приемлемом качестве — «собственник»), но и его особыми приметами, как-то: ростом, цветом волос и т. д. Результаты осмотра были занесены хозяйкой гостиницы в особую книгу.

⁶ Очевидно, описка Достоевского, поскольку речь везде идет о вагоне.

— Позвольте, мсье, — продолжала она, кладя перо, вставая со стула и подходя ко мне с самым любезным видом, — вот сюда, два шага, к окну. Надо разглядеть цвет ваших глаз. Гм, светлые...

И она опять посоветовалась глазами с мужем. Они, видимо, чрезвычайно любили друг друга.

— Более серого оттенка, — заметил муж с особенно деловым, даже озабоченным видом. — *Voilà*, — мигнул он жене, указывая что-то над своею бровью, но я очень хорошо понял, на что он указывал. У меня маленький шрам на лбу, и ему хотелось, чтобы жена заметила и эту особую примету.

— Позвольте ж теперь спросить, — сказал я хозяйке, когда кончился весь экзамен, — неужели с вас требуют такой отчетности?

— О мсье, это необходимо!..

— Мсье! — поддакнул муж с каким-то особенно внушительным видом.

[Там же, с. 67]

Первоначальные («летние!») впечатления вскоре подтвердились.

Париж под пером Достоевского предстает вместилищем лицемерия, ханжества и изоцированной лжи. «Опыт о буржуа» — так называется глава четвертая «Зимних заметок...». Столь беспощадной нравственной анатомии еще не подвергался этот мировой тип — ни в русской (да, пожалуй, и в европейской) литературе. Неслучайно будущий герой «Игрока», Алексей Иванович, станет утверждать, что фантазия современного француза «слагается из заранее принятых и давно уже опошлившихся форм. Натуральный же француз состоит из самой мещанской, мелкой, обиденной положительности, — одним словом, скучнейшее существо в мире» [там же, с. 239–240].

В характеристике, данной Алексеем Ивановичем «французику Де-Грие», угадываются те же мотивы, что присутствуют в «Опыте о буржуа». «Де-Грие был, как все французы, то есть веселый и любезный, когда это надо и выгодно, и нестерпимо скучный, когда быть веселым и любезным переставала необходимость. Француз редко натурально любезен; он любезен всегда как бы по приказу, из расчета» [там же, с. 239].

Соблюдение внешней формы, главная цель которой — прикрыть содержание — вот методология не только авантюриста Де-Грие, но и других героев Достоевского. Лужин в «Преступлении и наказании», Ганечка Иволгин в «Идиоте», Кармазинов в «Бесах» — у всех у них внутренняя суть завуалирована приличным жестом, видимостью благородства.

На этой видимости держится вся социальная жизнь Парижа.

Чего же более для совершенного счастья? Вот почему заглавия романов, как например «Жена, муж и любовник», уже невозможны при теперешних обстоятельствах, потому что любовников нет и не может быть. И будь их в Париже так же много, как песку морского (а их там, может, и больше), все-таки их там нет и не может быть, потому что так решено и подписано, потому что всё блестит добродетелями. Так надо чтоб всё блестело добродетелями.

[Там же, с. 75]

«Потребность добродетели в Париже неугасима!» — продолжает Достоевский. И эта потребность прекрасно уживается с истинной страстью парижанина. А именно — с тем, что мы сейчас обозначили бы как главенствующую черту общества потребления: «Накопить фортуны и иметь как можно больше вещей — это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имеет какой-то, так сказать, священнейший вид» [там же, с. 76].

В этом *вещественном* контексте понятие благородства утрачивает изначальный смысл и превращается в свою нравственную противоположность. «Странный человек этот буржуа: провозглашает прямо, что деньги есть высочайшая добродетель и обязанность человеческая, а между тем ужасно любит поиграть и в высшее благородство. Все французы имеют удивительно благородный вид. <...> Без неизъяснимого благородства он и спать не может спокойно» [там же, с. 76, 77].

Между тем, говорит Достоевский, западный человек толкует о братстве. Но оказывается, «сделать братство нельзя, потому что оно само делается, дается, в природе находится». И здесь автор «вдруг» называет обстоятельства, которые трудно отнести к ходу французской и вообще европейской жизни. Чтоб было братство, надо прежде всего любить, «Надо, чтоб самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласие, и тянуло, несмотря на все вековые страдания нации, несмотря на варварскую грубость и невежество, укоренившиеся в нации, несмотря на вековое рабство, на нашествия иноплеменников, — одним словом, чтоб потребность братской общины была в натуре человека, чтоб он с тем и родился или усвоил себе такую привычку искони веков» [там же, с. 80]. Все эти исторические реалии имеют касательство скорее к России. Именно ее образ, как уже говорилось, неизменно возникает в глубинах повествования. Не отсюда ли начинается цепь умозаключений, ведущих к Пушкинской речи? К речи-«завещанию», где потребность братства провозглашена как основополагающее стремление русского человека, «всечеловека», дающее надежду на духовный подвиг и искупление.

Но пока, в координатах западного мира, благороднейшие идеалы — вроде тех, что были провозглашены Великой французской революцией, утрачивают первоначальный смысл и превращаются в социальную пародию. «Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать всё что угодно в пределах закона. Когда можно делать всё что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно» [там же, с. 78].

Собственно, здесь действует та же авторская оптика: «благородный жест» на самом деле прикрывает реальную несвободу; настоящая свобода — в ее материальном эквиваленте — зависит от толщины кошелька.

Не отсюда ли, пожалуй, проистекает традиционная антибуржуазность российской поэзии и прозы? Иначе сугубое недоверие к тем, чей «обрюзгший жир» вытекает по человеку «в чистый переулок»:

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.

1 марта 1918 года Александр Блок записывает в дневнике: «Отойди от меня, Сатана, отойди от меня, буржуа, только так, чтобы не соприкоснуться, не видеть, не слышать; лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, Сатана». А за месяц до этого — другая запись: «Сидеть у печки и читать Достоевского» [Блок, 1963, с. 328, 324].

Но вот вопрос. Отправляясь в свой первый зарубежный вояж, был ли Достоевский приутогован к тому или иному восприятию Запада? То есть сложился ли у него образ современной ему Европы еще до того, как его нога переступила границу России? Или же в «Зимних заметках...» отложились только те впечатления, которые были приобретены за время летнего турне?

Не будем повторять, что горячую любовь к «стране святых чудес», к ее истории и культуре он пронес через всю свою жизнь. Тем не менее маловероятно, что в 1862 году он питал какие-то иллюзии относительно еще не виденного им Запада. И поездка только укрепила его в тягостных предчувствиях. Но при этом была выработана некая «формула», некая концепция Запада, которая практически не менялась до конца его дней. Ироническое отношение к «современному» немцу, легкое презрение к «современному» французу, брезгливость к буржуа вообще — всё это сохранится, пожалуй, навсегда. Позднейшие зарубежные поездки толь-

ко укрепят его в этих чувствах. И тем драматичнее будет осознаваться пропасть между великим европейским прошлым и неприглядным настоящим.

«Я хочу в Европу съездить, Алеша, — говорит младшему брату Иван Карамазов, — отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище... вот что!.. Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни, и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что всё это давно уже кладбище и никак не более» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 210].

Строго говоря, это *повтор*. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» сокрыты многие мировоззренческие истоки позднего Достоевского. Личное знакомство с Западом стало для него горьким и вместе с тем обнадеживающим уроком. Ибо в тексте просматривается альтернатива этому миру, там явлен намек на то, что возможен иной исход. Это чувство будет сопровождать Достоевского до могилы.

Он говорит:

Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности.

[Там же, т. 5, с. 79]

Можно сказать, что он «на себе» исполнил этот завет. Он исполнил его в «высшем смысле», ибо всё его творчество было жертвой, принесенной на искупление наших общих грехов. Недаром Герцен признал: «Верит с энтузиазмом в русский народ». И, может быть, долгожданное путешествие в западные *загробье* убедило его, что «святые чудеса» возможны и на его родине и что наивный шиллеровский призыв «Обнимитесь, миллионы!» прежде всего может найти отклик в страдающем русском сердце.

Первая поездка Достоевского в Европу воплотилась в его очерковой прозе. Но впечатления от Запада — прямо или косвенно — сказались и в его позднейших сочинениях. Зараженный западной («наполеоновской») идеей, Раскольников оказывается в крайней восточной точке его романного и жизненного пространства. Ибо герои Достоевского предпочитают двигаться по духовным следам своего творца.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1963. Т. 7. 544 с.

Брусовани М. И., Гальперина Р. Г. Заграничные путешествия Ф. М. Достоевского в 1862 и 1863 гг. // Достоевский: материалы и исследования. Т. 8. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. С. 272–292.

Волгин И. Л. Достоевский-интурист, или жаркое лето 1862 г. // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8, № 3. (В печати).

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. 30 т.

Коган Г. Ф. Разыскания о Достоевском // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования / под ред. И. С. Зильберштейна и Л. М. Розенблюм. М.: Наука, 1973. С. 581–605. (Литературное наследство. Т. 86).

Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881: в 3 т. / под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридлендера. СПб.: Акад. проект, 1999. Т. 1: 1821–1864. 530 с.

АРХИВЫ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

References

Blok, A.A. (1963) *Sobranie sochinenii: v 8 tomakh. Tom 7* [Collected Works: in 8 vols. Vol. 7]. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ.

Brusovani, M.I. and Gal'perina, R.G. (1988) 'Zagranichnye puteshestviya F.M. Dostoevskogo v 1862 i 1863 godakh' ['Foreign Travels of F.M. Dostoevsky in 1862 and 1863'], in *Dostoevskii: materialy i issledovaniya. Tom 8* [Dostoevsky: Materials and Research. Vol. 8]. Leningrad: Nauka Publ. Leningradskoe otdelenie, pp. 272–292.

Budanova, N.F. and Friedlander, G.M. (eds) (1999) *Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh. Tom 1: 1821–1864* [Chronicle of the Life and Work of F.M. Dostoevsky, 1821–1881: in 3 vols. Vol. 1: 1821–1864]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ.

Dostoevskii, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad: Nauka Publ. Leningradskoe otdelenie.

Kogan, G.F. (1973) 'Razyskaniya o Dostoevskom' ['Investigations about Dostoevsky'], in Zilberstein, I.S. and Rosenblum, L.M. (eds) *F.M. Dostoevskii. Novye materialy i issledovaniya* [F.M. Dostoevsky. New materials and research]. Moscow: Nauka Publ., pp. 581–605. (Literaturnoe nasledstvo. Tom 86 [Literary Legacy. Vol. 86]).

Volgin, I.L. (2021) 'Dostoevskii-inturist, ili zharkoe leto 1862 goda' ['Dostoevsky as an Intourist, or the Hot Summer of 1862'], *Neizvestnyi Dostoevskii* [Unknown Dostoevsky], 8(3). (In print)

Информация об авторе: И. Л. Волгин — доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Литературного института имени А. М. Горького. Основатель и президент Фонда Достоевского, вице-президент Международного общества Достоевского, член Международного ПЕН-клуба и Русского ПЕН-центра, член Союза писателей России. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1.

Information about the author: I. L. Volgin — Doctor of Philology, Candidate of History, Professor of the Faculty of Journalism at the Lomonosov Moscow State University and professor of the A. M. Gorky Literary Institute. Founder and President of the Dostoevsky Foundation, Vice President of the International Dostoevsky Society, member of the International PEN Club and the Russian PEN Center, member of the Writers' Union of Russia. Lomonosov Moscow State University. Address: 1 GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.08.2021;
одобрена после рецензирования 28.08.2021;
принята к публикации 30.08.2021.

The article was submitted 18.08.2021;
approved after reviewing 28.08.2021;
accepted for publication 30.08.2021.